

Г.М. ШИПИЦЫНА

(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия)

УДК 81.161.1'373

ББК Ш141.12-36

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: В статье рассматриваются разнообразные контекстные смыслы и особенности употребления в речи нового фразеологизма *жареные факты*. Исследуются языковые механизмы формирования данного фразеологизма с учетом системных связей его лексических компонентов.

Ключевые слова: фразеология, семантика, прагматика, смыслы, сема, мотивация, креативность, инновации, словосочетание, фразеологизация, концепт.

Время неуклонно вносит свои коррективы в общую картину мира народа, использующего коммуникативные и стилистические возможности языка для выражения и оценки реалий современности. В соответствии с ходом времени подвергается определённым изменениям и общенародная, и языковая картины мира, что вызывает инновационные процессы в принципе на всех языковых уровнях, хотя и в разной степени применительно к каждому уровню языка и его подсистемам. Наибольшим изменениям подвергнуты те языковые подсистемы, которые непосредственно связаны с выражением семантики и прагматики в номинативном и коммуникативном процессах. Общеизвестным фактом является то, что лексика языка представляет собой наиболее подвижный, быстро преобразующийся состав языковых средств вслед за преобразованием мыслительной деятельности людей. Это связано с тем, что лексические средства языка номинируют всё то новое, что появляется в действительности. Получается, что любой временной пласт рождает много слов и выражений, которые появляются в соответствии с изменёнными потребностями, ценностями и реалиями жизни, но в периоды интенсивного развития общества, социальных перемен и катаклизмов инновационные процессы в языке, особенно в его лекси-

ко-семантической системе, наиболее масштабны. Как писал А.А. Потебня, «если деятельность мысли энергична, то в языке должно заключаться большое количество слов свежих» [Потебня 1973: 251].

Нас же интересует в обозначенном выше аспекте фразеология. Полагаем, что активизация социальных процессов вызывает инновационные процессы не только в лексике языка, но и в его фразеологии, причем, во фразеологии они должны быть ещё более интенсивными и значимыми. «Идиоматика – это «святая святых» национального языка, в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации» [Бабкин 1979: 44]. Ведь фразеологизм (прежде всего идиома как центральная категория этого разряда средств) гораздо богаче, чем слово, по своему лексическому значению, репертуару потенциальных смыслов и особенно по возможным проявлениям прагматических нюансов – оценочности, эмоциональности и экспрессивности – в зависимости от контекстной реализации дискурсивных стратегий коммуникации. Эти особенности фразеологизмов называются всеми лингвистами, они могут быть проиллюстрированы многочисленными примерами, и не вызывают возражений. А поскольку это так, вполне ожидаем процесс появления новых сочетаний слов с признаками фразеологизма (семантическая слитность компонентов, воспроизводимость, устойчивость семантики и структуры) как следствие обновления языкового сознания носителей языка, что и проявляется в том, что осуществляется «его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономаσιологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства [Алефиренко 2008: 208].

Следует отметить, что традиционная лингвистика исходила из того, что образование фразеологизма – это очень длительный процесс, его исследование предполагает диахронические изыскания. В целом это правильно, поскольку современники могут ошибаться в прогнозе живучести того или иного устойчивого выражения в будущих веках и тысячелетиях. Однако в быстро меняющейся действительности быстро меняется и её отражающий язык. Поэтому и фразеологизация свободных словосочетаний в настоящее время происходит довольно быстро, во всяком

случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык мобилизовал свои ресурсы для оперативного решения возникших проблем особой номинации и предикации. Как отмечает В.М. Мокиенко, фразеологизм, с одной стороны, – единица ретроспективная, кумулятивная, поглотившая культурологическую и языковую информацию прошлого, поэтому многие поиски его когнитивного ядра диахроничны. «С другой же стороны, фразеологизм – единица синхронная, обладающая компликативной семантикой, относительно независимой и от значения ее компонентов, и от понятий того прошлого, которые ее породили» [Мокиенко 2008: 18]. Эта мысль подтверждается функционированием в речи полных идиом, внутренняя форма которых неясна даже для лингвистов, занимающихся установлением путей образования фразеологических срощений. Такое состояние дел объясняет необходимость изучения семантических сдвигов в сторону фразеологизации у словосочетаний разного типа, поскольку с течением времени их происхождение новыми поколениями может быть забыто и истолковываться неправильно, о чем предупреждал академик В.В. Виноградов: «История чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» [Виноградов 1955: 27]. Поэтому проблему описания и фиксации новых и относительно новых устойчивых конструкций с признаками фразеологизма мы считаем исключительно актуальной. В рамках данной проблемы рассмотрим соотношение метафорически переосмысленных сочетаний лексем и свободных словосочетаний языковых единиц, выступающих в качестве фундамента, строительных элементов, участвующих в возведении формы и значения фразеологической единицы для ответа на вопрос, какие именно свойства исходного свободного словосочетания или входящих в него компонентов создают условия последующей фразеологизации этой конструкции. В качестве примера рассмотрим фразеологизм *жареные факты*.

Жареные факты – «сенсационное сообщение разоблачительного характера, обычно оперирующее не до конца проверенными или недостоверными сведениями» (ТСЯИ). Словарная статья с пометой «актуализация слова», что свидетельствует о частотности употребления этого словосочетания, прежде всего,

конечно, в книжной речи. Примеры словаря: *Газеты сейчас, в эпоху гласности, отдают дань «жареным фактам», создавая видимость того, что страна просто погрязла в чудовищных преступлениях* (Семья 14.01.91). *Всё то, что было выяснено следствием, оглашено на судебном процессе. Никаких «жареных фактов», кроме конкретных доказательств вины убийц* (Огонёк 1991, 34). В словарных примерах актуализировано именно приведенное выше значение – сведения сенсационные, разоблачительные и неточные.

Словарная дефиниция не исчерпывает всего объёма и потенциала смыслов этого фразеологизма, его семный состав довольно богат. В современной публицистике можно найти много примеров употребления данной неологизма с иными оттенками значения, что является следствием расширения семантики оборота, обогащения её различными нюансами смыслов:

– *вы ведь читаете газеты?* – *Читаем – секс, криминал, «жареные» факты...* – *Так вот, как вы себе можете представить секс с Чебурашкой?*... [Я был когда-то странным... – беседа с национальным героем // «Пятое измерение», 2002]. Поскольку фразеологизм употреблен в однородном ряду со словами *секс* и *криминал*, очевидно, что и выражение *жареные факты* из того же семантического поля номинаций – это явления, о которых раньше не принято было писать в массовой прессе; сейчас ими газеты пытаются «обновить» содержание и привлечь читателей к своим изданиям.

– *но больше всего оппоненты напирала на то, что непозволительная ошибка руководства редактората – позволить бывшему взяточнику, не так давно опорочившему себя и уволенному из милиции, выносить жареные факты на страницы газеты* [Сергей Романов. Парламент (2000)]. Нюанс значения у фразеологизма: опубликован ранее скрываемый от общественности материал о каких-то неблагоприятных действиях, очевидно, милиции.

– *неужели память не сохранила ничего стоящего и им нечего рассказать людям из богатой событиями творческой жизни, кроме «жареных» фактов?* [И.А. Архипова. Музыка жизни (1996)]. Видимо речь идёт о пикантных подробностях из закулисной жизни людей творческой профессии.

– может, прибегают сей **жареный факт** поближе к сентябрю, когда официально начнется предвыборная кампания: дабы клятвенно заверить электорат, что справедливость будет незамедлительно восстановлена, если он правильно проголосует? [Есть ли такая партия (2003) // «Санкт-Петербургские ведомости», 2003.05.26]. В этом тексте актуализирован смысл оборота, близкий к словарному значению: это факт, способный дискредитировать личность кандидата в глазах избирателей.

– а что, если журналистам подбросить **жареный факт**: депутат с любовницей прогуливает деньги избирателей в курортной зоне заповедных марфинских озер? [Сергей Романов. Парламент (2000)]. Фразеологизм сосредоточен на актуализации смысла «неблаговидные и даже преступные действия персонажа вдали от общественности.

– а уж если прельщает кого-то из молодых **жареный факт**, не стоит ли испытать свою судьбу не в журналистике, а в специальных службах (вы понимаете, что я имею в виду)? [Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976-1999)]. А здесь в семантике фразеологизма подчеркнута такая деталь: жареные факты добываются специальным расследованием, требуют от добывающего их человека особых усилий, изобретательности.

Вполне понятно, что за фразой *жареные факты* мыслится «сценарий», разыгрываемый людьми, жаждущими получить пикантные подробности, касающиеся какого-либо события или личности, разоблачительного характера, чтобы из них сделать сенсацию, осуществить иные действия, направленные против лица, с которым такие факты связаны, и этим самым получить для себя признание общества или иные желаемые для пишущего преимущества.

Употребляя данную конструкцию, носители языка не задумываются о нелепости, парадоксальности соединения слов с несовместимой денотативной семантикой (*жареные* и *факты*), поскольку факты нельзя подвергнуть жарке. Такое совмещение противоречит здравому смыслу, если исходить из реалий быденной жизни и опираться на естественное познание жизни в бытовом её варианте, отраженное в прямых значениях лексических компонентов конструкции: *жареный-1* – приготовленный

жареньем; *жареная картошка* (МАС-2). Синтагматическая сочетаемость этих слов достигается семным согласованием их компонентного состава: картошка (или другой продукт) может быть приготовлен жарением, а процесс жарения предполагает приготовление пищи. Слово *факт* в данном употреблении можно квалифицировать как одно из употреблений основного значения этого слова – «пример, случай» (МАС-2): *В прошлом очерке мы приводили факты бурсацкого невежества* (Помяловский. *Очерки бирсы*) (МАС-2).

Конечно, реализацию продуктов познания через понятие здравого смысла и надо искать в обыденном, повседневном языке, который разделяют люди, живущие в одном и том же социуме, с той лишь поправкой, что в семантике языка существует не только один мир «здесь и сейчас», а множество других возможных миров, вплоть до самых несбыточных, практически невозможных, ирреальных. Возникает вопрос, почему метафорически переосмысленное словосочетание – ранее имевшее статус свободного, воспринимается сегодня безоговорочно, не вызывая конфликтов «правды» и «неправды».

Полагаем, что парадоксальность сочетания денотативных значений компонентов этого словосочетания как раз и является фактором, способствующим образованию, усвоению носителями языка и последующей актуализации фразеологического сочетания *жареные факты*. Неявная когниция, отраженная в семантике оборота, расшифровывается уже на интуитивном уровне, поскольку очевидная невозможность сообщенной информации в ее прямом, буквальном смысле заставляет получателей сообщения искать в ней другие, скрытые смыслы под успокаивающими сознание словами. Если факты нельзя было получить путём их жарения в буквальном смысле, эта предметно-денотативная основа семантики слова *жареный* просто отбрасывается сознанием носителей языка.

Распознавание смысла неофраземы идет по пути более углубленного осмысления семантики и особенно прагматики каждого из лексических компонентов оборота, фактически в полном соответствии со способом фразеологизации этого словосочетания: неофразема сформировалась не столько метафоризацией целого исходного словосочетания, сколько путём переосмысления од-

ного из лексических компонентов, в данном случае слова *жареные*. Слово *факты* в выше приведенном употреблении функционирует давно, оно не даёт многого для формирования внутренней формы вторичного смысла конструкции и её осознания носителями языка. Поэтому дешифровка упакованного во фразему смысла начинает опираться на периферийные семы синтагматически обусловленного значения слова *жареные*. Эти семы уже выступали в качестве мотивировочных смыслов для образования вторичных значений слова у производящего глагола *жарить*. А именно: в просторечии этот глагол «употребляется вместо другого глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т.п.; *жарить в шашки, жарил дождь, жарить наизусть страницы текста* (МАС-2). Итак, за компонентом *жареные* тянется прагматический ореол повышенной экспрессии (сила, страсть, азартность), это всегда нечто необычное, беспокойное, нестандартное. Подобные периферийные семы значения стали основой для образования и других фразеологизмов с этим словом: *пахнет жареным / жареным запахло* – о чем-либо выгодном, заманчивом (МАС-2). Именно в таком значении фразеологизм употреблён И. Ильфом и Е. Петровым в сцене знакомства Остапа Бендера с Воробьяниновым: *Остап Бендер, длинный благородный нос которого явственно чуял запах жареного, не дал дворнику и пикнуть. «Отлично, – сказал он, кося глазом, – Вы не из Парижа. Конечно, Вы приехали из Конотопа навестить свою покойную бабушку».*

Кроме того дешифровка подлинного значения оборота осуществляется на фоне слов и фразеологизмов с корнем *жар* в их лексико-фразеологической парадигме, а также иных образований с корневым словом *жар*: *Давать / задавать поддать жару* – в значении №2 «расправляться, бить, громить»; *Бегут, товарищ комбат, – подтвердили в один голос оба разведчика. – Сейчас самый раз им жару поддать.* (П. Беляков. Атака началась на рассвете) (ФСРЯ).

Понятие *дешифровка* в нашем понимании не сводится к разгадыванию смысла, который намерен был передать субъект речи. Мы исходим из позиции А.А. Потебни, писавшего: «когда я говорю, а меня понимают, то я не перекладываю целиком мысли

из своей головы в другую (...) слушающий, понимая, создаёт свою мысль» [Потебня 1973: 253]. Слово возбуждает мысль адресата речи, то есть пропускает слово *жареный* в новой сочетаемости через призму его прежнего значения и исходных мотивационных семантических связей в пределах соответствующего участка лексико-семантической системы языка и прежде всего в составе родственных, одноструктурных слов и в составе лексико-семантических группировок. При этом важную роль в осмыслении нового значения слова носителями языка играет единый образ концепта мотивационных источников обновляемого значения, который сформирован и у отправителя, и у получателей информации, обусловленный общностью их культурно-исторической памяти и одинакового опыта креативной языковой деятельности.

Так, генетический след семантики корня *жар* возбуждает в сознании носителей языка ассоциативные связи с его производным словом *жарить* по линии лексической парадигмы *жарить, печь, варить, сушить, вялить* и т.п., на фоне которых слово *жарить* выделяется яркой семой экспрессивности, обусловленной интенсивностью процесса приготовления пищи высокой температурой (жаром) в отличие от других способов её приготовления. В соответствии с выработанным в данном языковом коллективе способом восприятия смыслов с опорой на перцептивный опыт происходит перевод образа приготовления пищи как продукта питания в образ пищи духовной, предназначенной для удовлетворения потребностей общества в знаниях о событиях, известных личностях и т.д. При этом вторичная номинация в данном случае, как, впрочем, и в других подобных случаях, сопровождается нейтрализацией денотативных архисем: главные смыслы концепта (приготовление пищи) в этом процессе остались не объективированными. Денотативное ядро у вторичного номинанта оказывается трансформированным стратегией выражения новой субстанции, которую надо номинировать и оценить, наполнить иным этнокультурным содержанием, поэтому происходит приращение сем прагматического характера с оценочной интерпретацией референта. В результате этих процессов производная семема *жареный-2* отличается яркой оценочностью на фоне слов той новой лексической парадигмы, в которой

она в итоге внутрисловной деривации оказывается: *жареные, разоблачительные, ранее неизвестные, сенсационные, неожиданные, дискредитирующие кого-, что-либо (факты)*. В эту парадигму их объединяет единое концептуальное содержание и схожая прагматика – оценочность, эмотивность и экспрессивность. Кроме того, в составе этой лексической парадигмы семема *жареный-2* несёт в себе и яркое этнокультурное содержание как след образа жара в качестве ментального наслоения, что также способствует формированию нового концепта, выраженного уже целостным фразеологизмом *жареные факты*.

Другой компонент этого словосочетания – *факты* – тоже интересное слово. В своей лексической парадигме *факты, случаи, происшествия, события* это слово отличается от других наличием яркой денотативной семы со значением «истинность» (сравн.: в МАС-2 его семантика истолкована как «Истинное событие, происшествие, явление»). Это случай, событие, истинность которого проверена и доказана. Такому значению слова *факт* как нельзя лучше соответствует и звуковая оболочка слова – односложное короткое слово, произносится энергично, как итог проверки случившегося, как приговор. Например, *Вахтенный журнал не знает чувств и эмоций. Он отражает только факты* (Б.А. Лавренев. *Подвиг*). Но ведь эти особенности слова *факт* ещё более усиливают парадоксальность и нереальность прямого смысла в его сочетании с определением *жареные*.

Возникший фразеологизм *жареные факты* обобщенно содержит несколько смысловых нюансов в своём денотативном остоле, а благодаря полной дисгармонии, рассогласованности семного состава своих компонентов оказывается весьма востребованным экспрессивным средством для выражения острого, сенсационного материала, поскольку алогичное сочетание лексических компонентов этого фразеологизма не может не吸引 внимания получателей информации. В контекстах реализуются самые разные оттенки его семантического потенциала, в частности, не только те, которые манифестируют угрозы для разоблаченного, но и такие, которые передают желаемые последствия для разоблачителя в виде характеристик его имиджа, профессионализма, изобретательности и т.п. Например:

Сколько же икры даёт государству Астраханская область

мне узнать не удалось даже у специалиста, обратиться к которому мне посоветовал губернатор. – Жареных фактов захотелось? – Отшил АиФ без предисловий начальник отдела рыбного хозяйства и рыбообработки Хаустов. – Считайте, что это секретные сведения. Пишите лучше про добычу кильки! (АиФ, 22.09.99). Внутренняя форма фразеологизма *жареные факты* создаётся специализацией экспрессивных смыслов компонента *жареные*, именно они оказываются решающим фактором в процессе фразеологизации данного сочетания слов. Оно, имея цельное значение, уже в момент своего рождения не являлось свободным словосочетанием, поскольку в нем один из компонентов имел несвободное, связанное значение, актуализирующееся только в соединении со словом *факты*. Используя классификацию акад. В.В. Виноградова, это фразеологизированное словосочетание можно отнести к синтетическому типу устойчивых словосочетаний, близких к фразеологическому единству, поскольку оба члена данного словосочетания сохранили свою самостоятельность как в грамматическом, так и в семантическом смыслах [Виноградов 1972: 29].

Полагаем, что в живом употреблении словосочетание *жареные факты* как продукт фразеологизации сразу использовалось как целостное фразеологическое образование, не создаваемое в речевом акте, а готовое к воспроизведению. Этому способствовало и то, что даже компонент со связанным лексическим значением имел надежную опору в лексико-семантической системе языка: с одной стороны, это действие живых мотивировочных внутрисловных и межсловных связей, а с другой стороны, это влияние общего семантического стержня в парадигматических группировках лексики и фразеологии современного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М., 2008.

Бабкин А. М. Проблемы фразеологии. – М., 1979.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972.

Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1.

Мокиенко В.М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Международ. науч. конф. В 2-х т. – Белгород, 2008. – Т.1.

Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Хрестоматия по истории русского языкознания / *под ред.* Ф.П. Филина. – М., 1973.

СЛОВАРИ

МАС-2 – Словарь русского языка / *под ред.* А.П. Евгеньевой; в 4-х т.; АН СССР, Институт русского языка. 2-е изд., испр. и доп. – М. 1984.

ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / *под ред.* Г.Н. Складьевской. РАН, Инст. лингв. исслед. – СПб., 1998.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / *под ред.* А.И. Молоткова. – М., 1967.

© Шипицына Г.М., 2014